

Для меня сумгантские события начались 26 февраля 1988 г. Удивила открытая дверь корпункта, отсутствие телефона, взвавшийся откуда-то второй стол, разбросанные по полу бумаги. Иду в горком. Руководства нет, в отделах разговоры о Нагорном Карабахе. В городе какая-то напряженность, разговоры о неблагодарных армянах, кущающих азербайджанский хлеб, пьющих азербайджанскую воду, дышащих азербайджанским воздухом, которых давно пора прочитать. Читают тогда еще незнакомые мне антиармянские стихи Бахтияра Вагабадзе «Землю не отдают».

Я пишу об этом, чтобы заявить со всей убежденностью: события в Сумганде не были неожиданными. Уже во всяком случае их должны были хотя бы за день-два предсказать соответствующие службы КГБ, МВД, городские власти. Что же касается непредсказуемости катастрофы, то английская пословица по этому случаю гласит: «Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть». Ведь задолго до «сумганды» только из нашей редакции в адрес ЦК КП Азербайджана, первого секретаря ЦК К. Багирова, ЦК КПСС был отправлен целый ряд писем, телеграмм, в которых мы, в частности, писали:

«Злые, подстрекательские, крайне националистические материалы, выбрасываемые с экрана республиканского телевидения, газет и журналов, способствуют дестабилизации обстановки, возбуждают толпы, собирающиеся на площади Ленина. Продолжение пропаганды такого рода может привести к физическому противостоянию», и еще.

«Разговоры о дружбе, не подкрепленные делами, раздражают. Надо немедленно обуздать разногуздность прессы. Она чревата серьезными последствиями».

Это цитаты из писем и телеграмм, отправленных до 27 февраля 1988 года. Так предсказуемы или не предсказуемы были события?!

27, 28, 29 февраля. Сумгант заблокирован военными. Слухи — один страшнее другого. Мне, собкору по Сумганду, без спецпропуска — не проехать. 1 марта редакционные телефоны разрывались от звонков читателей, сообщающих о бесчинствах в Сумганде, риде сельских районов республики, молящих о помощи в поисках родных и близких, в определении судьбы детей. Коллектив газеты бурлит, стонет, клянет свою беспомощность, ищет выхода на ЦК Тщетно. Ничем не можем помочь людям, натыкаясь на стену не равнодушной, нет, на агрессивность отдела пропаганды ЦК КП Азербайджана и его ставленников в редакции редактора Э. Е. Григоряна, его заместителей.

На следующий день выражаем возмущение передачами азербайджанского телевидения, как бы не замечавшего сумгантской бойни. Гнев вызывают концепты дружбы армянских и азербайджанских артистов в дни, когда идет разбой, гибнут старши и дети, когда тысячи армян Азербайджана прямо или косвенно задеты трагедией, когда республика должна переживать позор, когда надо, как минимум, выражать соболезнование семьям погибших.

— Когда звучат фанфры, не слышно стонов. Может, поэтому они и звучат? — спрашиваем редактора. — Позвоните в ЦК, скажите, что это цинизм, кощунство.

— Ничего страшного. Наоборот даже. Сейчас больше, чем всегда, надо говорить и писать о дружбе.

Тяжелая ошибка часто приобретает значение преступления. Это сказал Сенека. Свидетелями скольких таких ошибок пришло нам стать!

В набор редакторами отправлялись туго сработанные материалы об интернационализме Гусейнова или Авакяна, у которых жена соответственно армянка или азербайджанка, или же о еще большем интернационализме коллектива того или иного завода или фабрики, собравших под одной крышей представителей 15 или 25 национальностей. А в это время потенциальные читатели этих материалов ходили по моргам в поисках трупов своих близких, боялись оставлять своих избитых, валявшихся на земле.

Все это трагедии, о которой знали только по книгам, и что только в условиях полного попустительства властей можно было в течение трех дней подвергаться столь же стокой травле и резне.

Сумгант. Пятого марта.

Г. Агаджанян — зав. отделом литературы и искусства, поэт, член Союза писателей СССР Ю. Карапетян — и. о. зав. отделом промышленного строительства. М. Айвазян — фотокорреспондент и я на той же машине Ф. Григоряна вновь направляемся в очаг вандализма. Дорога небезопасна.

Нет. Все это выше наших сил. Возбуждены до предела. Не знаем что делать. Как помочь. Кого просить.

— Как вы смотрите на все это? — спрашиваю полковника милиции, русского, из России.

— Как может смотреть на это нормальный человек? Жутко, не верится, что сделали все это люди. Да и люди ли это?

«Не могу поверить, что зверей-преступников родила азербайджанская мать», — это позже скажет прокурор Сумганта Исмет Гайбов.

— Это было что-то из ка-

в условиях террора 1988 г. в Азербайджане, что мы знаем правду и эту правду будем нести в массы.

А через два месяца нас (З. Арзуманова, Ф. Григоряна, Г. Агаджаняна, Э. Месесова) вызвали в Октябрьский райком партии г. Баку, где и объявили строгие выговоры с занесением в учетную карточку.

Формулировка: «За непартийное поведение, выразившееся в фабрикации преднармии тенденциозных материалов, идущих вразрез с линией партии на укрепление дружбы советских на-

нимается как должное! Неужели некому было понять, что нет патриотизма, покунаемого за деньги? «Если в зеркало смотрит обезьяна, из него не выглядит ангел». Не помню, кто это сказал, но знаю точно, что при таком нравственном состоянии республики, при таком отношении к моральным критериям, человеческим ценностям события в Азербайджане — закономерность. Ложь не встречала здесь сопротивления.

Я не сомневаюсь, что вскоре будет подготовлена и версия об армянском интересе в бакинских событиях. Робкие, писклявые голоса ее авторов уже прорезаются в ряде республиканских газет. Но, думается, если мало кто поверил в «сумгант» азербайджанской интерпретации, то события в Баку скажутся еще труднее. Слишком обнажены тут акценты. Но снять молчит азербайджанская общественность, та ее часть, о которой мы, армяне-бакинцы, хотим слышать только хорошее, т. е. такой, какой ее помним и представляем своим новым друзьям. Молчит на неэтичные выступления своих депутатов, требующих наказания армии за вмешательство в бакинские события в январе этого года.

И, конечно, более чем неэтично, а точнее — аморально приравнивать события в Баку к тем, что произошли 9 апреля в Тбилиси, говорить о трагедии 19—20 января, забыв, что было и 13 и 14 января, что в эти дни убивались,

насиливались, скжались уже те, кто был совсем стар, кто не мог пока уехать, лишенный материальных средств, кто в конце концов так был привязан к Азербайджану, что не мог и не представлял себе жизни вне этой земли.

Последний мой приезд в Баку пришелся на конец января — начало февраля. Картина, знакомая по Сумганду, — танки, бронетранспортеры, перепуганные ужасами событими люди, беженцы. Сработал «азербайджанский фактор» — люди боятся топора, ножа, шальной пули, убийства стариков и детей.

В Баку уже нет армян. Не сомневаюсь, резко увеличится поток покидающих республику русских, евреев... Земля, на которой пролилась невинная кровь, оскудевает. Мудрость же народа живет веками. И вспоминать ее чаше. Тогда сегодня не пришло бы оплакивать безвинную 13-летнюю Ларису Мамедову, задетую шальной пулей. Оружие передко бывает слепым, путая виновных с невинными. Слепой не должна быть власть, обяжанная увести от края пропасти свой народ, сурово называть виновных и защищать безвинных. Но для этого должна быть честная, мужественная власть. Ее не оказалось.

Слепой не должна быть коллективная совесть народа — интеллигенция, обиженная служить прозрению общества. Она же зачастую лгала, пытаясь обмануть себя, но обманула мир и свой народ. Ложь лилась сверху и потому заполнила все поры жизни общества, республики.

Те, кто лжет с амвона, неизменно опасне слушающей их паствы. А потому и спрос с них более строгий.

И в заключение. Если следующий раз слепого, оба падут в яму. И такой яме привели сегодня моих земляков-бакинцев, и такой грех слепцам можно смыть только очищением своей совести. Надо каяться и каяться. Как можно чаше. Только кающиеся прощаются. Попытки же оправдаться, сваливая свою грех на других, увеличивают его.

Эдуард МОСЕСОВ, член Союза журналистов СССР

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

У ПРОПАСТИ

полечении врачей-азербайджанцев.

Третьего марта вместе с московским журналистом, имеющим специразрешение, попадаю в Сумганд. До горкома, где по слухам более 10 тысяч армян находятся под защитой военных, нас не пропускают. Запрещено и передвижение по городу. Добиться встречи с начальством какого-либо ранга не представляется возможным. И тем не менее впечатление от посещения города самое жуткое — черные от пожара стены домов, разбитые витрины магазинов, снующие взад и вперед грозные боевые машины, многократная проверка документов. Боже, неужели и это не станет огромляющим уроком, показывающим, к чему может привести слепая ненависть?

4 марта на машине зав. отделом газеты Ф. Григоряна, прихватив с собой несколько посетителей, едем в больницы, где лежат сумгандцы. Обожженные лица, перебинтованные руки, ноги, какая-то отрешенность в глазах. Впечатление тягостное.

— Выпихнувшись, зайди ко мне в корпункт, может, смогу чем помочь, — обращаюсь к 16-летнему юноше, утопающему в бинтах и повязках.

— А что, надо будет возвращаться в Сумганд? Нет! Нет!.. Ни за что.

Слова не могут передать ужаса, который я увидел в глазах мальчика. Крика, которым был выражен этот ужас.

Слова не могут передать ужаса, который я увидел в глазах мальчика. Крика, которым был выражен этот ужас.

Страшна история, рассказанная 50-летним, физически здоровым мужчиной со свежими ранами, ссадинами. Говорил он с трудом, глottая слезы, растигивая слова, заыхаясь:

— Я, двое моих сыновей и я забаррикадировались на крыше трехэтажного дома, в котором мы жили. Более трех часов оборонялись мы от бесновавшейся, все более звереющей внизу толпы. Беспрострельность сменилась надеждой, когда мы увидели идущий в нашу сторону бронетранспортер. Через минут десять мы были спасены. Но... тут подъехала пожарная машина, приставившая к крыше лестницу. И звери... как их назвать иначе... бросились вверх... Двух моих сыновей убили... зятя убили... Меня тоже убили... А я вот жив... зачем она мне... эта жизнь.

Трудно было слушать. Пойти на прав Рабиндрат Тагор: «Человек хуже животного, когда он становится животным».

Профессиональная потребность увидеть все, зафиксировать как можно больше, рассказать об увиденном широкой аудитории начинает давить на разбуженное последними событиями чувство патриотизма, на кровную сопричастность пострадавшим. Я начинаю понимать, что вижу продолжение

Берем и видеокамеру, фотоаппарат.

До Сумганта дорога свободна. И от людей, и от машин. Первая проверка у въезда в город. Удостоверения творческих союзов дают нам право на въезд. У горкома проверка более тщательная. Проходим и ее. Впускают на площадь. Пройти пришлось через три заслона — солдатский, из бронетранспортеров, матросский. Картина жуткая. «Муса-Даг» и все, что прочитано о геноциде, всплывает в памяти мгновенно. Тысячи армян — мужчины, женщины, дети сидят, стоят, лежат прямо на площади: в халате, с котомкой, подушкой, в обуви и без. Проходим во дворец, где расположились еще тысячи. Даже сейчас, по прошествии двух лет глаза застилают слезы, когда воспроизводжу увиденную тогда картину. Стоят дети, плачут женщины, запах лекарств, перевязочных пунктов и тут же солдаты, раздающие детям молоко, булки. Страшно.

Страшно быть свидетелем средневекового варварства на 70-м году Советской власти, в конце XX века. Мало нам было истории, рассказов старших, могил на наших кладбищах, датированных 15—20 годами?! Не выдерживает нервы. Плачу, не стесняясь слез.

Люди узнают, что мы журналисты, да еще из армянского «Коммуниста», рассказываю жуткие подробности.

Рассказы один страшнее другого.

— Кто, кто ответит мне за кровь моих двух дочерей?! Они их насиловали на моих глазах. Группой... в сопровождении музыкантов. И это надо забыть?! Никогда! Но кто мне поможет найти их? Кто? Почему никто не приходит к нам?!

Идем к генералу. Близайшему. Их здесь много. Просим направить кого-нибудь, дать показания. Обещают. Через некоторое время сообщают, что каждый из пострадавших обязательно будет опрошены, чуть-чуть успокаиваются.

Показывают девушку сотрясанными грудями, всю перебинтованную. Она стоит, не хочет разговаривать. Потом ребенка. Весь в синяках. Два-три года. Что с ним?

— Били его, ногами топтали, — кричит и плачет, прижимая к груди ребенка матер.

— Дядя, — подбегает маленький лет пяти. — А когда к нам приедет дядя Горбачев?

Дрожь пробегает по телу. Когда теперь этот мальчик поверит в доброту простого дяди?

— Я видела человеческую голову, голову вне туловища, — кричит в истерике женщина, — эти изверги рубили его топором.

Женщину успокаивают, укладывают, дают лекарство.

менного века. Юру, моего соседа, музыканта, инвалида-горбунка, муку не обидит... выволокли из комнаты на лестничную площадку... волокли несколько этажей вниз... вытащили во двор... били до потери сознания... облили бензином... подожгли... Нет, я здесь жить никогда не буду... я не смогу здесь жить... Я уеду. Я обязательно должна уехать.

Это рассказала русская женщина, прожившая в Сумганте более 25 лет.

К нашему уходу пострадавшим подготовлено письмо, которое они просят передать только в руки московского представителя из ЦК КПСС. Письмо с требованием выслушать пострадавших, письмо, в котором выражено несогласие с составом комиссии, требование включить в нее людей из их числа; возмущение лживыми сообщениями республиканской прессы, что к ним приезжали, беседовали секретарь ЦК КПСС П. Демичев и первый секретарь ЦК КП Азербайджана К. Багиров, другими информацией в лживой форме интерпретирующими события. Обещают передать.

Утром, пользуясь предоставленной возможностью на встрече коллег из газет «Бакинский рабочий», «Вышка» и «Коммунист» (на арм. яз.) с ответственным ЦК КП Азербайджана Яшином и работниками отдела пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана, просим слова, пытаются зачитать обращение. Одерживают.

Яшин: «Хватит мне митингов. Наслушался».

Велиев, зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана: «Не нагнетайте эмоции. Не драматизируйте события».

А. В. Григорян, зам. редактора:

— Не хватит вам редакции? ЦК и без вас разберется в ситуации.

Под давлением собравшихся обращение зачитывается. При полном молчании зала. В нем, в частности, такие строки: «События в Сумганте — шабаш людоедов. Это был разгул дикой орды давно минувших веков. Вся сила нашего журналистского пера, все наше профессиональное мастерство, вся ненависть честных людей к подонкам, самым низменным человеческим инстинктам должны найти отражение в наших публикациях».

К чести коллег из соседних редакций, наше обращение было принято большинством собравшихся, под ним позже подписалась целая группа журналистов из «Бакинского рабочего». И ни выкини типа «Аидраник нашелся», «Что вы хотите?», «Что ли?», «Разносите тут всякие сплетни» уже не смогли затмить главного — мы заявили о себе как представителях той нации, с которой нельзя не считаться и

родов